

исчезали; и у ней, и у насъ ниа роль тогда о
человѣкъ."

Разсматривая наши статьи Кавелина есѣ
общеній громадной суммы фактовъ, философ-
ское построеніе русской исторіи, оправдывающее
на каждомъ шагу фактическими матеріалами.

§18. Чичеринъ.

Библиографія:

Энциклопедическій Словарь Брокгау-
за и Ефрона. Полуптисъ 76.
стр. 887 — 901.

Работы съ Кавелинымъ нужно поставитъ друга-
го изслѣдователя — юриста, современника его —
Чичерина.

У Кавелина вотчинное начало не играетъ
такой существенной роли, какъ у Чичерина,
который построилъ весь свой взглядъ на ха-
рактеръ юридическаго бытія до Петра на эпоху
начала въ своемъ сочиненіи „Областные учреж-
денія въ московскомъ государствѣ въ XVII в." и
въ другихъ статьяхъ. XVII ^{вѣкѣ} въѣтъ характери-
зуется повсемѣстнымъ учрежденіемъ воеводъ.
Въ своемъ введеніи къ „Областнымъ учрежде-

нияшъ" Ошеринъ высказываетъ свой взглядъ
 на преобладаніе вѣщиннаго начала въ древней
 Руси. Точнѣе паденія родовыхъ отношеній, каж-
 дое лицо, не связанное болѣе связью естествен-
 ной и не подчиненное еще волеи связи государ-
 ственной, выступило съ своею частною волею,
 съ своими частными правами и притязаніями.
 Затѣмъ, дѣлая общій обзоръ суда въ древ-
 ней Руси, онъ приходитъ къ такому выводу:
 Судъ „1. какъ частная собѣденность, дѣлившая
 между князьями, дробившаяся на участки, на годъ;
 точно также кормиленщики въ одно и то же
 же горюдо получали право суда въ раздѣлъ на
 участки; 2., Судъ передаваемый по частному пра-
 ву: князь не назначалъ сановниковъ для управ-
 ленія дѣлами, а извѣстные права, извѣстные
 доходы ставилъ въ кормленіе, временное или
 наследственное, или отдавалъ на откупъ.
 Поэтому кормиленщикъ покидалъ кормленіе,
 когда хотѣлъ, какъ свое добро, которымъ не
 желалъ болѣе пользоваться; 3., Судъ отчуждал-
 ся въ частныя руки ставленными грамотами
 частными лицами и монастырями. Это не
 государственная мѣра, а опятьтаки пода-
 рокъ князя, вслѣдствіе расположенія его къ из-
 вѣстному лицу; 4., При этомъ отчужденіи
 самый судъ дробился на части, какъ частный до-
 ходъ, состоящій изъ нѣсколькихъ отдѣльных
 статей; одна доходная статья ставилась
 одному лицу, другая другому, одинъ получалъ
 иждѣе, другой меньше; 5., Само управле-
 ніе имѣло совершенно видъ владѣнія на частномъ
 правѣ; кормиленщикъ управляетъ не на князя,

а на себя; управление суда служило только средством къ обогащенію. Поэтому самыя преступленія имѣли значеніе не общественное, а частное; они были доходнымъ дѣйствіемъ, изъ которыхъ судья извлекалъ прибыль, на производство которой онъ имѣлъ исключительную привилегію, составлявшую одну изъ самыхъ выгодныхъ статей кормленія. Какъ частною собственностью, кормленщикъ управлялъ кормленіемъ посредствомъ людей своихъ и холоповъ. Самое сужденіе дѣлъ носило частный характеръ: не было инстанцій, но судья докладывалъ дѣло, кому хотѣлъ, если встрѣчалъ затрудненія; 6., Всюдность этого же властительскаго характера суда, подсудность разбѣгавшихся не видамъ общественнаго блага, а правомъ судьбы на доклады съ суда надъ извѣстными лицами; отсюда судъ свѣтлый или вопрскій; 7., Наконецъ, на тотъ же частный характеръ указываютъ привилегіи, освобождавшія нѣкоторые лица отъ подсудности общаго суда. Общественная должностъ имѣла равною силу для всехъ; но некоторые разряды мѣст могутъ, по особенному своему положенію, подлежать особеннымъ судищамъ, но частная изъявъ противны общественному порядку, и существуютъ только въ такихъ формахъ общества, гдѣ господствуетъ частное право. Можно еще замѣтить, что въ монастырскихъ и церковныхъ имѣніяхъ, гдѣ управленіе основано было на властительскомъ правѣ, система управленія была также, что и въ княжескихъ земляхъ."

Босподсѣво частнаго права, по мнѣнію Гигерина, составляетъ не только принадлежность Руси, но есть одно изъ естественныхъ явленій въ исторіи человѣчества. „Оно ведетъ къ установленію государственнаго порядка и составляетъ залогъ его будущей прочности“. Отдача суда въ частное владѣніе наиболѣе имѣла и во восточныхъ земляхъ кромѣ темныхъ сторонъ, неизвѣстныхъ при тогдашнихъ порядкахъ, и въ восточной посидсѣвѣ: она суждена князьями безъ печеніемъ въ томъ, что судья не откажется истцу въ судѣ, что преступники будутъ наказаны. Въ новгородскихъ областяхъ судъ такъ же отдавался въ кормленіе, на откупъ, въ насильственное владѣніе, такъ какъ они составляли вотчину Великаго Новгорода. Но въ самой новгородской общинѣ судъ не дѣлился, не отдавался въ кормленіе и на откупъ, а имѣлъ значеніе общественной должности. Новгородъ, какъ договорная община, извѣстъ призывавъ къ себѣ верховнаго судью — посредника князя, котораго власѣ всякій разъ утверждались договоромъ. „Но каждый гражданинъ, по какому частному иску могъ созывать народное вече и предложить ему свое дѣло на рѣшеніе. Если на вече было согласіе, то оно само погасило исполняя свой приговоръ; если же согласія не было, происходила драка, и дѣло рѣшалось силою.“ Затѣмъ Гигеринъ проводитъ аналогію между западными учрежденіями и русскими. Русской вотчинной системѣ на западѣ соответствуетъ феодальная. Правящее собственностію было ленное право, въ составъ кото-

раго входило и право суда. Созеренъ на осно-
 вани^и частнаго договора передавалъ своимъ
 вассалъ право владения, суда и др. Право
 владения съ земл^ю само собою перенеслось и на
 мнѣ, населяющихъ эту землю, — на крестьян,
 т. е. обратилось въ крепостное право. Такимъ
 образомъ жизнь средневековаго гражданска-
 го общества, какъ на западѣ, такъ и на Руси,
 вылилась въ 2^х формы: первая, какъ си-
 стема вѣчинная и феодальная, — вторая къ
 вольная община. При всемъ тождествѣ основ-
 ныхъ началъ жизни запада и Руси, есть и
 различіе, состоящее въ томъ, что на западѣ
 преобладали меншіе союзы, а на Руси каждая
 отдельная личность обособлялась въ своей
 частной сферѣ. Это обособленіе выказалось
 между прочимъ и въ распределеніи верховной
 власти между русскими князьями. „Основа-
 ная на частномъ правѣ. Верховная власть
 передается также по частному праву, но
 здѣсь является различіе между западными
 государствами и Русью: тамъ земля пе-
 редается обыкновенно въ наследство по пра-
 ву майората, и младшій братъ по-
 лучаетъ участокъ, какъ вассалъ старшаго, —
 здѣсь земля дѣлится между всеми сыновьями.“
 Отношенія владѣльцевъ къ слугамъ и здѣсь
 и тамъ основаны на свободномъ договорѣ.
 Но здѣсь является опять чрезвычайно важе-
 ное различіе, — то, можетъ быть, которое бо-
 лѣ всего опредѣлило различіе историческаго
 развитія западныхъ государствъ и Россіи.
 Феодальной владѣльцъ вступалъ въ прочный,

наследственный союзъ съ своими господами —
 ноль, тогда какъ бояре и слуги заключали
 съ князьями временные, случайные договоры
 и при малѣйшемъ неудовольствіи тотчасъ
 отъѣзжали къ дружинамъ." Благодаря этому,
 на западѣ владѣльческій элементъ сдѣлался
 крепче, чѣмъ у насъ. Свободныя общины
 могли возникнуть скорее въ городахъ, чѣмъ
 въ селеніяхъ, такъ какъ въ городахъ люди живутъ
 на болѣе тѣсномъ пространствѣ, чѣмъ въ селѣхъ,
 что способствуетъ развитію союзнаго духа.
 Русская свободная община была слабѣе, чѣмъ
 западная, вследствие слабости связующаго эле-
 мента — владѣльческаго. Союзный духъ на за-
 падѣ имѣлъ значительное вліяніе и на обра-
 зованіе сословій. Средневѣковая сословія осно-
 ваны на томъ, что права каждого зависятъ
 отъ его частныхъ занятій, и эти занятія, какъ
 частная собственность, передаются наслед-
 ственно. „На западѣ лица, имѣвшія общія
 занятія, нашедшіеся въ постоянномъ союзѣ,
 образовали корпораціи, сословія, вступленіе
 въ которыя могло совершаться только на
 основаніи законныхъ правъ.„ „тоже самое
 начало, говоритъ Гитеринъ, существовало и на
 Руси; были служилые люди, посадскіе и
 крестіане, но непрерывныя ихъ переходы
 съ мѣста на мѣсто препятствовали образо-
 ванію сословныхъ союзовъ. Вмѣсто того со-
 словное право распредѣлилось по отдѣльнымъ
 личностямъ и выразилось въ личностествѣ:
 каждое отдѣльное лицо имѣло наследствен-
 ное право на известное положеніе въ обществѣ,

и этими оно не только не входило въ союзъ съ дру-
гими, а напротивъ становилось въ противополо-
женіе ко всемъ лицамъ того же разряда и
отстаивало свои права отъ дѣйствіи этихъ дру-
гихъ. Законныхъ правъ для поступленія въ
сословіе не было, но если низшій уравнивался
съ высшимъ, послѣдній считалъ себя обезчещен-
нымъ и начиналъ тяжбу. Понятіе о чести бы-
ло такимъ образомъ не сословное, какъ на За-
падѣ, а чисто личное... Местничество было край-
нимъ и самымъ яркимъ выраженіемъ личности,
которая преобладала въ Россіи." На западѣ
государи боролись противъ самостоятельности
меньшихъ союзовъ; московскіе же государи, на-
противъ, должны были прекратить слишкомъ
большое обособленіе личностей и образовать союзы,
которые служили бы имъ орудіями государствен-
ной власти. Московскіе государи, следовательно,
только укрѣпили элементы древне-русской жиз-
ни, заставивъ ихъ подчиниться общественной вла-
сти. Частное княжеское хозяйство преврати-
лось въ государственное, но съ тѣмъ же финан-
совымъ характеромъ, какъ и прежде. Напри-
мѣръ, при Иванѣ грозномъ, города и волости
продолжали оставаться въ кормленіи, но мно-
гимъ общинамъ даны уставная грамоты съ
правомъ собственного суда. Это было важнымъ
шагомъ впередъ: судъ изъ частнаго властнаго
превратился въ общественную должность." Но
кроме суда общины получили право участво-
вать посредствомъ своихъ выборныхъ въ по-
лицейское управленіе и въ финансовыя дѣ-
ла, въ сборъ различныхъ пошлинъ. Это уча-

сти общиннаго начала въ дѣлскомъ управленіи было исключительное созданіе московскихъ государей, явленіе неываившихъ еще на Руси. Но эта дѣятельность общинъ, вызванная Иоанномъ IV, не была самоуправленіемъ, а только государственною повинностью. При тогдашнемъ феодальномъ составѣ государства невозможно было правильная дѣятельность и контроль. „Оставалось одно: искать обозначеній въ отвѣтственности частныхъ лицъ и общинъ, возложивъ на нихъ всю обязанность общесѣвеннаго управления. Это было тотъ порядокъ, который можно назвать системой повинностей: государство обладало всѣхъ службою, объявляло свои требованія, и большую часть исполненій предоставляло самимъ подданнымъ. Отсюда возникли — система кормичества и выборное начало.“ Также система господствовала и въ римскомъ государствѣ, гдѣ отвѣтственность за исполненіе общесѣвенныхъ дѣлъ возложена была на городскія курии, и служебная обязанность была до того тяжела, что почти обратилась въ наказание.“ Распоряженія со стороны государства шли чрезъ приказныхъ людей: дворянъ (въ важнейшихъ городахъ) и городовыхъ приказчиковъ (въ городахъ менѣе значительныхъ). Съ давнѣйшимъ развитіемъ государственнаго начала прежніе элементы областного управленія оказались недостаточны: приписанія были несогласны съ новыми порядкомъ вещей, общинное управленіе было раздроблено, а дворяне не только военной силой, усмирававшей ихъ

власть. Явилась потребность въ такой власти, которая была бы действительнымъ представителемъ правительства въ областяхъ и такая власть была учреждена въ воеводствахъ. Раньше воеводы назначались въ городахъ только на время войны, а со времени Михаила Федоровича они составляютъ общее учреждение для всей России. Учрежденіе ихъ сопровождаемое усиленіемъ правительственной власти въ областномъ управленіи. Они постепенно вытѣснили прежніе органы управленія, низвели ихъ на степень подчиненныхъ своей власти. Община была отстранена, воеводы сосредоточили постепенно въ своихъ рукахъ военную, административную, судебную и финансовую власть.

Разница между Кавелинскимъ и Титеринскимъ заключается въ томъ, что Титеринъ выдвинулъ больше рельефно востановленное начало. Онъ затѣмъ отливаетъ разницу въ управленіи до XVII в. и въ XVII вѣкъ. Въ первомъ случаѣ управленіе носитъ частный, а во второмъ — государственный характеръ. Титеринъ — доктринеръ; целью у него служитъ не постепенное усовершенствованіе и развитіе, а доктрина. Важное значеніе имѣетъ взглядъ Титерина на русскую общину; извѣстный популяристъ изслѣдователь баронъ Ганстаузенъ, путешествовавшій по России, въ своихъ изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ пришелъ къ двумъ результатамъ: 1., Русская община въ России есть община патриархальная, или родовая, т. е. проистекающая отъ отношеній родственныхъ и сложившаяся по этому типу; 2., Такая община составляетъ характеристическую осо-

бекность славянского племени. Второе положеніе
 опровергнуто Грановскимъ въ его статьи о Гер-
 манской общинѣ. Грановскій доказалъ, что та-
 кая же община, съ нераздѣльными владѣніемъ
 земли, была у германцевъ. Общинный бытъ со-
 ставляетъ, по замѣчанію Титерина, общую при-
 надлежность племенъ въ первонаибольшую эпоху
 ихъ развитія. Титеринъ въ своей статьѣ „обзоръ
 историческаго развитія селской общины въ Рос-
 сии“, помѣщенной въ его сборникъ, подъ названі-
 емъ „Опытъ по исторіи русскаго права“ опро-
 вергаетъ первое положеніе Закстгаузена. Сове-
 ршенная русская община вовсе не находится въ
 связи съ древне-русской общиной, какъ полага-
 етъ Закстгаузенъ. Уже варяжская дружи-
 на внесла въ русскую жизнь новыя начала,
 совершенно противоположныя прежнимъ род-
 ственно-общиннымъ отношеніямъ. Вмѣсто
 прежней патріархальной общинной соборвен-
 ности является собственностъ князя и его дру-
 жины; община родовая превращается во владѣ-
 льческую и князья становятся ослѣвшими въ
 своихъ областяхъ, дѣлаются вотчинниками.
 Владѣльцами теперь становятся князья, ихъ
 слуги — бояре, бывшіе дружинники; затѣмъ мо-
 настыри. Черныя волости княжескія остава-
 лись свободными общинами, населенными на
 черной землѣ, за пользованіе которою крестьян-
 нымъ извѣстная повинностъ въ пользу земле-
 владѣльца. Частіе общины въ поземельномъ
 владѣніи ограничивалось лишь раздѣломъ пусто-
 парожныхъ участковъ вновь приходящимъ
 крестьянамъ. Вообще значеніе общины было

чисто финансовое, или скорѣе хозяйственное, ибо
 подати и повинности уплачивались князю въ
 качество землевладѣльца. „Въ средневѣковой Рос-
 сии не было ни осадности народонаселенія, ни
 принудительныхъ отношеній, ни передѣла зе-
 мель. Каждый селеніе на отдѣльномъ уча-
 сткѣ, который владѣлъ въѣздомъ и потомъ сѣвен-
 но, который распоряжался по произволу. Не
 хотѣлъ онъ осѣдаться на мѣстѣ, — онъ сдѣлалъ
 свою землю другою или даже покинулъ ее въ
 пущѣ, и шель туда, гдѣ жить было лучше.“ Но-
 вая община обезана своимъ появленіемъ цензъ-
 рабному Московскому правительству. Изби-
 рательныя общинами на основаніи царскихъ гра-
 мотъ и постановленій старосты и цѣловаль-
 ники ограничили и даже вытѣснили волно-
 щихъ мѣстахъ властвѣ наместниковъ и волосте-
 лей, соединили все управленіе въ своихъ рукахъ,
 благодаря чему онъ получилъ значеніе государ-
 ственное. Въ послѣдствіи общины были совершенно
 подавлены воеводскою властью, такъ какъ вы-
 берное начало, данное Иваномъ Грознымъ об-
 щинами, не имѣло жидкости; каждый жилъ
 на своей участкѣ, населеніе жило всею раз-
 рѣженно. Нуждалась въ административныхъ сред-
 ствахъ, государство заставило служить однихъ
 и выполнять тяжель, финансовая обязанность
 другихъ. Въ этой цѣль оно уничтожило пра-
 во бояръ на отъѣзды и переѣзды, а крестьянъ
 прикрѣпило къ землѣ. „Теперь основой государ-
 ства сдѣлался народъ: жители, гдѣ бы они
 ни сидѣли, получили постоянныя обязанности
 Рус. Исторіографія 2 т. Дек. проф. Багалевъ. Мѣс. 29.

въ отношеніи къ царю, а земля (бывшая въ средніе
 вѣка основой гражданскаго союза) стала играть вто-
 ростепенную роль. Въ прежнее время на ней лежа-
 ло тягло; поселенец платилъ свои подати и оу-
 правлялъ свои повинности съ земли. Теперь же,
 когда народъ сдѣлался главною силою государ-
 ства, тягло должно было необходимо перейти
 на лицо. Подати чрезъ поземную
 естественнымъ образомъ перешла (при Петрѣ)
 въ подушную. Въ самомъ дѣлѣ, земля въ то вре-
 мя была весьма плохимъ предметомъ для взи-
 манія податей: ея было много и никто ея не
 дорожилъ; сегодня она обрабатывалась, а заву-
 тра падала въ пучину. При обширности
 страны и многочисленности населенія одинъ
 трудъ и много убои, и только въ немъ могло
 правительству найти постоянный и вѣрный
 источникъ дохода. Съ конца XVII вѣка съ за-
 конодательствомъ Федора Алексѣевича и, въ
 особенности, Петра Великаго устанавли-
 вается отдѣленіе селъ отъ городовъ. Селъ
 почти все стали крепостными, города же,
 напротивъ, были изъяты изъ владѣтельныхъ
 рукъ; были дозволены переходы посадскихъ
 людей, — если не въ другія службы, то въ дру-
 гіе города; для торговыхъ людей земля не со-
 ставляла необходимаго условія жизни, они несли
 тягло съ своихъ промысловъ и торговли, и не бы-
 ло никакой нужды запрещать отчужденіе зем-
 ли за извѣстнымъ оброкомъ, платимымъ городу.
 „Это разлукъ было необходимыми слѣдствіемъ
 новаго основнаго значенія общины. Пока тягло
 лежало на землѣ, пока поземное владѣніе

составляло существенную основу гражданскихъ отношений, до тѣхъ поръ не могло быть раздѣлія между городомъ и селомъ. Но какъ скоро общины изъ поземельныхъ сдѣлались сословными, такъ началось и различіе въ значеніи городского сословія и селскаго. Занятія перваго состоятъ въ добываніи денегъ посредствомъ капитала и труда, что требуетъ болѣе или менѣе подвижности и свободы въ дѣйствіяхъ. Занятія втораго занимаются въ обработкѣ земли, а это требуетъ постоянной осѣдлости землепашцевъ. Съ другой стороны обязанности селскихъ жителей относятся прямо къ землевладѣльцу; онъ посредникъ между ними и государствомъ, тогда какъ для городскихъ жителей таково посредника нѣтъ.

Послѣ историческаго обзора русской общины Шеринъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: наша селская община вовсе не патріархальная, не родовая, а государственная. Она вовсе не похожа на общины другихъ славянскихъ племенъ, сохранившихъ первоначальный свой характеръ среди историческаго движенія, и имѣла свою исторію и развивалась по тѣмъ же началамъ, по которымъ развивался и весь общественный и государственный бытъ Россіи. Настоящее устройство селскихъ общинъ вытекло изъ сословныхъ обязанностей, наложенныхъ на земледѣльцевъ съ конца XVI вѣка, и преимущественно изъ укрѣпленія ихъ къ имуществу и изъ разложенія падающей на души. Статья Шерина объ общинахъ вызва-

на сильную полемику и убогую литературу. Переходимъ къ третьему юристу - историкъ занимающему видное мѣсто въ историко-юридической школѣ и положившему у насъ начало архивному дѣлу.

§ 19. Николай Васильевичъ Калачовъ.

Библиографіа:

Биографическій словарь профессоровъ Московскаго университета. М. 1855.

Застѣковъ. Литературная дѣятельность Калачева (Историческій вѣстникъ, 1887.).

Н. В. Калачевъ родился въ 1819 году во Владимирской губерніи и происходилъ отъ Аламачевыхъ, ведущихъ свой родъ отъ дѣда зинскаго приказъ XVI вѣка. Сначала онъ воспитывался дома и 12^{ти} лѣтъ отъ роду читалъ уже въ подлинникъ и нѣмецкомъ переводѣ Мита Ливія. Въ университетъ, куда онъ поступилъ въ 1836 году, онъ почувствовалъ особенную склонность къ историко-юридическимъ занаятіямъ. По окончаніи университета онъ поступилъ на службу въ археографическую комиссію. Родъ наблюденийъ председателя комиссіи гр. С. С. Уварова (впослѣдствіи министра народнаго просвѣщенія) онъ научился читать древніе документы. Такиимъ образомъ теоретическая работа надъ памятниками законодательства у него шла рука оъ руку съ практичес-